

„Настоящій“.

(Сочиненія *Алексѣя Ремизова. Семь томовъ.*
Спб. 1911—1912).

Знаменитый нѣкогда рассказчикъ, великій знатокъ родного быта, Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ высоко цѣнили оригинальный талантъ Писемскаго и знакомымъ своимъ всегда давалъ его читать, говоря:

— Почитайте батюшка, н а с т о я щ і й...

Горбуновъ и самъ былъ «настоящій», подлинный художникъ. Наряду съ Островскимъ, Писемскимъ, Мельниковымъ и Лѣсковымъ, онъ останется въ нашей литературѣ, какъ своеобразный большой талантъ, корнями выросшій въ самую глубину народнаго чернозема.

Для того, чтобы таланту стать «настоящимъ» въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это Горбуновъ, мало въ совершенствѣ изучить литературную технику, мало постичь своеобразие народной рѣчи и научиться хорошо писать: надо умѣть воспитать и закалить себя въ условіяхъ непосредственной, свѣжей, общенародной жизни и даръ свой пронести невредимо сквозь пламенные бури, черезъ глухія дебри. Поприщемъ для такого писателя служить не библіотека и не письменный столъ, а сама жизнь. «Настоящій», писатель совсѣмъ не писатель т о л ь к о. И въ наши печальные дни, когда понятія литературныя и вкусы роковымъ образомъ спутались и смѣшались, когда бездушная сморщенная «стилизация», а съ ней кустарная «беллетристика» очаковскихъ временъ кощунственно посягаютъ быть творчествомъ, быть искусствомъ,—обязанность критики выдѣлнить изъ массы суррогатовъ фабричнаго производства чистый и свѣжій, «настоящій» хлѣбъ.

Цѣлый огромный уголь русской литературы—тотъ именно уголь, куда свалены, какъ старыя «запечатлѣнные» иконы, всѣ эти Писемскіе и Лѣсковы, куда значительной долей бытія своего отошелъ Достоевскій и куда всецѣло примыкаетъ Ремизовъ, не скоро еще дожидется полнаго своего признанія. Когда возстанетъ, наконецъ, изъ-подъ засынавшего ее пепла чужихъ словъ самодумная народная наша Лада, а привозное искусство будетъ сдано въ архивъ,—тогда лишь обернемся мы къ старой потемнѣлой божницѣ, будемъ учиться своему національному письму и бросимъ надобвшія намъ аляповатые заграничныя фигурки «стиля модернъ». Потому и былъ «настоящимъ» Писемскій

для Горбунова, что послѣдній, самъ величайшій знатокъ русской жизни и быта ея, во всемъ ея объемѣ, въ творествѣ Писемскаго видѣлъ огромное національное дѣло. Еще понятнѣе будетъ для насъ мнѣніе Горбунова, если мы вспомнимъ слова П. В. Анненкова въ воспоминаніяхъ его объ авторѣ «Плотничьей артели»:

«Все было въ немъ откровенно и просто. Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходятъ, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Писемскій, напримѣръ, добродушно признавался намъ, что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ.—Присутствіе иностранца, говорилъ Писемскій:—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его.—Порывшись немного въ наиболѣе рѣзкихъ мнѣніяхъ и идеяхъ Писемскаго, которыя мы обзывали сплошь парадоксами,—всегда отыскивались зерна и крохи какой-то давней, полуисчезнувшей культуры, сбереженной еще кой-гдѣ въ отрывкахъ простымъ нашимъ народомъ. Отъ нихъ несло особеннымъ ароматическимъ запахомъ развороченной лѣсной чаши, поднятаго на соху чернозема, всѣмъ тѣмъ, что французы называютъ *parfum de terroir*» ¹⁾).

Вотъ этотъ-то *parfum de terroir*,—наслѣдіе давней, своей, народной культуры, и не умѣла распознать и оцѣнить наша критика, всю тонкость обонанія своего истощавшая на запахахъ чужеземныхъ цвѣтовъ, привезенныхъ къ намъ изъ-за моря, выращенныхъ въ оранжереяхъ и пересаженныхъ потомъ на русскую почву. Если вспомнить, что почти вся старая литература наша, а съ ней и критика воспитались исключительно на европейскихъ образцахъ; что, не говоря уже о такихъ поэтахъ, какъ Батюшковъ или Жуковский, самъ величайшій русскій поэтъ, наше чудо, полубогъ, Пушкинъ развилъ свои могучіе корни въ черноземѣ, удобренномъ... эротикой Парни, подъ широколѣтвистой кроной Байрона; что и Лермонтовъ, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Тютчевъ, и Фетъ,—всѣ они съ дѣтства дышали ароматомъ чужихъ полей, а лучшій истолкователь и апостолъ всѣхъ ихъ,

¹⁾ П. В. Анненковъ. Художникъ и простой человѣкъ. (Изъ воспоминаній о А. О. Писемскомъ). Полное собр. соч. А. О. Писемскаго. Томъ VIII. СПб. 1911.

Бѣлинскій, былъ до мозга костей западникъ, гегельянецъ и фурьеристъ, если вспомнить все это, неудивительнымъ и понятнымъ станетъ, отчего «настоящіе», выросшій прямо изъ родной земли таланты казались чужими, незаконными дѣтищами новой петербургской культуры. *Parfum de terroir* черезчуръ уже билъ въ носъ, заставлялъ отворачиваться, казался грубымъ. Въ «крохахъ полунисчезнувшей культуры», о которыхъ говорить Анненковъ, усматривали черносотенную дикость, ту «змѣю невѣжества», которую топчетъ на памятникѣ конемъ своимъ мѣдный Петръ, въ органическомъ отвращеніи къ иностранцамъ видѣлось человѣконенавистничество и китаизмъ до-петровской Руси. Вотъ главная причина того, почему такіе огромные писатели, какъ Писемскій или Лѣсковъ, остаются гдѣ-то въ тѣни, сбоку исторіи литературы.

Подобно имъ, особнякомъ и одиноко стоитъ Алексѣй Ремизовъ въ современной нашей литературѣ. На него у насъ смотрятъ все еще какъ на легкомысленнаго смѣшливаго балагура, какъ на поверхностнаго стилизатора—разсказчика съ примѣсью чуть не порнографіи, какъ на причудника, повѣствующаго о какихъ-то «тараканахъ», о какихъ-то нелѣпыхъ «снахъ». Даже въ «Прудѣ» и «Часахъ» отвыкшую отъ изощренности художественнаго языка массу озадачиваютъ прежде всего мелкія, второстепенныя подробности и детали, характерныя выраженія и словечки. Точно также была бы озадачена эта публика, если бы съ эстрады вмѣсто Сладкопѣвцева вдругъ началъ разсказывать И. О. Горбуновъ.

Время, въ которое мы живемъ, эпоха итоговъ по преимуществу, эпоха округленія и подсчета доставшагося намъ по наслѣдству отъ дѣдовъ и прадедовъ капитала. Въ творествѣ Ремизова безсознательно для него самого подводится итогъ несмѣтному богатству тѣхъ писателей, къ которымъ онъ по устремленію своего таланта всего ближе подходитъ. Въ немъ, какъ лучи въ солнечномъ спектрѣ, соединяются убѣдительно-красочная изобразительность Лѣскова, кряжистость и «себѣ на умѣ» Писемскаго, житейская мудрость Островскаго, подъемъ и лиро-эпическая задумчивость Мельникова, точность и мѣткость Горбунова. Это не значитъ, разумѣется, что Ремизовъ подражаетъ кому-нибудь изъ этихъ писателей. Весь онъ самобытенъ и цѣлѣнъ и сравнивать его хотя бы съ Лѣсковымъ такъ же странно, какъ и съ Достоевскимъ, которымъ переболѣлъ Ремизовъ въ раннихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ стилистъ, онъ рѣшительно непереводимъ на иностранныя языки и, какъ талантъ, Европѣ чуждый и ненужный, заставляетъ вспоминать забытыя слова Достоевскаго: «По-моему, переведите комедію Островскаго на нѣмецкій или французскій языкъ и поставьте гдѣ-нибудь на европейской сценѣ,—и я, право, не знаю, что выйдетъ. Что-нибудь, конечно, поймутъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, даже найдутъ нѣкоторое удовольствіе, но, по крайней мѣрѣ, три четверти комедіи останутся совершенно недоступны европейскому пони-

манію. Все характерное, все наше національное, по преимуществу (а стало быть все истинно-художественное), по моему мнѣнію, для Европы неузнаваемо. Даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и неузнаваемѣе¹⁾.

Ремизовъ, какъ художникъ, широкъ и многозвученъ. Даже очень сильные иногда таланты всю жизнь свою остаются на двухъ-трехъ нотахъ, не въ силахъ будучи выйти изъ круга однажды осѣнившихъ ихъ вдохновеній. Все сокровенное и явное даетъ свой отзвукъ въ душѣ Ремизова: и нестерпимый, нечеловѣческій вопль страданія, и тихій лепетъ ребенка, и гнусное словоизверженіе, и шопотъ влюбленныхъ, и кошмарный бредъ обреченнаго на муки безумія уроды. Съ высоты лирическаго пафоса падаетъ онъ вмигъ въ тину ужасающей пошлости, въ низины презрѣнной «тараканьей» жизни. Знаетъ онъ души людей, мечтающихъ о томъ, какъ «человѣческой жертвою, человѣческой мукою будетъ побѣжденъ старый міръ и настанетъ новый безсмертный міръ—рай земной», и такъ же хорошо вѣдомы ему люди, для которыхъ высшее наслажденіе, а, пожалуй, и цѣль жизни—«чай пить». Весь ужасъ насилія, пошлости, разврата, безстыднаго и въ безстыдствѣ неумолимаго, застылъ на ремизовскихъ страницахъ, и въ то же время никто еще, кажется, изъ русскихъ писателей не находилъ такихъ умиленныхъ чистыхъ словъ любви, милосердія и ласки. Ремизовъ заставитъ читателя трястись въ страхъ передъ неизбежнымъ, передъ высшей волей—и вдругъ напуганнаго, ошеломленнаго, унесетъ его въ міръ дѣтскихъ безмятежно-счастливыхъ грезъ, въ царство няининой свѣтлой сказки. Расскажетъ что-нибудь омерзительно-пакостное, чудовищное по пошлости, такъ что читателю до тошноты скверно станетъ,—а потомъ заставитъ трепетать отъ восторга, когда съ благоуханныхъ страницъ «Посолони» прольются дѣвственные дожди живой поэзіи. Поразитъ нелѣпницей и безумной чепухой «Сновъ» и тутъ же покажетъ въявь, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, съ гоголевской настойчивостью, жизнь какого-нибудь Стратилатова,—«Неумнаго бубна».

Къ жизни мучительный вопросъ предъявляетъ Ремизовъ: за что? Кто виновенъ въ томъ, что вершится въ мірѣ? Николай, герой «Пруда», сидя въ тюрьмѣ, задаетъ себѣ въ кошмарномъ бреду этотъ ужасный вопросъ.

«И растравляя наболѣвшее и мучаясь сознаниемъ какой-то вины своей, увидѣлъ онъ собаченку Розикъ: Розикъ съ расшибленной лапкой служилъ передъ нимъ, а глаза его плакали. И Машку увидѣлъ онъ, Машку Пашкову: надсаживаясь и сопя, два утрешихъ отеки арестанта волокли ее за грязный обтрепанный подолъ, и, каза-

¹⁾ О. М. Достоевскій. „Дневникъ писателя“, 1873 г. „По поводу выставки“ (Полн. собр. соч. О. М. Достоевскаго, томъ X, Спб. 1883, стр. 78—9).

лось, была она, такая хрупкая, непосильной тяжестью. Распαραпанными руками судорожно и пугливо прятала Машка истощенную худую грудь, глядѣла на него помертвѣвшими отъ боли глазами, и онъ будто плюнулъ въ ея помертвѣвшіе зрачки, плюнулъ отъ своей невыносимой боли, и ногу занесъ, чтобы, хоть какъ-нибудь, каблукомъ стереть этотъ укоръ: «Зачѣмъ такъ надругался надо мной?» И мать свою увидѣлъ, Вареньку: шатаясь и подпрыгивая, шла Варенька губы тряслись отъ слезъ, а онъ не протянулъ ей руку, не приласкалъ ее, рука его упала тяжелымъ ударомъ прямо ей въ спину, какъ тогда, въ тотъ день, какъ приходилъ о. Глѣбъ прудъ посмотреть. И, какъ тогда, поднялась Варенька и молча пошла, шла она, молила хоть каплю милосердія. И увидѣлъ онъ Евгенія—Женю, на песокъ будто играютъ вмѣстѣ, и почувствовалъ, какъ въ сжатой горсти захрустѣлъ сухой песокъ. И какъ когда-то, онъ прицѣлился и мѣтко пустилъ песку въ раскрытое больные глаза Жени, и видѣлъ глаза, такіе грустные, незащитные, и сыпалъ, и сыпалъ сухимъ пескомъ въ эту незащитность и грусть. И тутъ же, опять будто Розикъ съ перешибленной лапкой служить, служить и смотреть, и плачетъ молча: «Чѣмъ же я-то виноватъ?».

Себя самого виновнымъ передъ всѣми признаетъ Николай, какъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» старецъ Зосима, но вотъ о томъ же спрашиваетъ монахъ-исповѣдникъ, отецъ Иларіонъ, увидавшій въ исполненіи воли Божьей предрѣшенную Богомъ злую гибель:

«Не могъ онъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ человѣческихъ страданій? зачѣмъ человѣкъ обрекался на страданія? кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, спасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнитъ, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался, а забылъ потому, что прежде понималъ, а теперь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, и зачѣмъ, и кому, и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ, плодящихся, какъ моль, ничтожныхъ жизней. Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣбныя!—и онъ не видѣлъ имъ оправданія, и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать ему отвѣтъ, ну хоть бы какъ милостыню, ради Христа».

Вопли страданія дьявольскимъ хоромъ звучатъ вѣчно въ ухахъ Ремизова, и не мирится онъ съ ними, и всюду ихъ слышитъ и ощущаетъ.

«Это было по случаю какихъ-то благопріятныхъ вѣстей съ войны. Улицы запрудила тысячная толпа, и подъ звуки гимна побѣдоносно двигалось шествіе. Пересѣкавшій дорогу трамвай затормозилъ. И вотъ изъ-подъ колесъ выползла искалѣченная собаченка. Визжа, съ высунутымъ кровавымъ языкомъ, болтающимся на раздробленной челюсти, и размахивая, какъ хвостомъ, переломленною ногою, пустилась собаченка навстрѣчу побѣдоносному шествію. И визгъ ея словно плевалъ въ одичавшія отъ успѣха торжествующія лица и пронзалъ

крики, музыку и восклицанія. Но этого мало. Когда кончились празднества и народъ разошелся, а собаченка гдѣ-то подъ заборомъ подохла, визгъ ея не прекращался. Собачій визгъ сверлилъ стѣны, проникалъ въ комнаты, изгрызалъ ткани, влеталъ въ ухо и гдѣ-то внутри безжалостно ковырялъ и, ковыряя своимъ острымъ отравленнымъ жаломъ, пробирался въ мозгъ, спускаясь по горящимъ жиламъ въ сердце и тамъ развѣдалъ все живое». («Часы»).

«Утромъ на дворѣ случилось несчастье: убилаь кошка—бѣлая гладная кошка съ сѣдыми усами. Можетъ, она и не убилаь, и ни съ какой крыши пятого этажа падать не думала, а что-нибудь проглотила случайно: гвоздь или стекло, а то и нарочно, шутки ради, осколкомъ или гвоздикомъ покормилъ ее какой любитель, есть такіе. Мучилась она и трудно ей было: то на спину повалится и катается по камнямъ, то перевернется на брюхо, переднія лапки вытянетъ, задеретъ мордочку, словно заглядываетъ въ окна, и мяучить». («Крестовыя сестры»).

Визгъ раздавленной трамваемъ собаченки и кошачьи стоны не даютъ Ремизову покоя. Для оглушеннаго страданіемъ человѣка въ жизни все хаосъ, все разрушеніе, плѣтъ и бредъ. За что, почему и кто виноватъ? Виноватъ ли я передъ всѣми, какъ мнѣ казалось, или всѣ передо мной? А темная народная мудрость устами сказочницы Акумовны въ «Крестовыхъ сестрахъ» отвѣчаетъ на это:

— Обвиноватить никого нельзя.

Таковъ отвѣтъ самого Ремизова на страшные вопросы.

Но не одно страданіе и пытку, содрогаясь, видить въ жизни Ремизовъ: еще страшнѣй у него безпросвѣтный, мутно-кошмарный ужасъ бытія, вѣчно кружащаго, возвращающаго, по однимъ и тѣмъ же, невѣдомымъ никому путямъ, безцѣльнаго и въ безцѣльности своей непонятнаго человѣку. Въ постоянныхъ повтореніяхъ одного и того же, въ частомъ возвращеніи къ излюбленнымъ словамъ, безсознательно, быть можетъ, для самого себя возсоздаетъ Ремизовъ безостановочный, какъ тиканье часовъ, ходъ текущей куда-то непрестанно и безцѣльно жизни.

Полоумный Костя въ «Часахъ» перевелъ соборные куранты на часъ впередъ и вмѣсто девяти пробилъ десять часовъ вечера.

«Городъ, жившій по Соборнымъ часамъ, встрепенулся.

На каланчѣ пожарный, закутанный въ овчину, въ своей ужасной мѣдной каскѣ вдругъ остановился и сталъ искать пожара, но зарево надъ колокольною погасло, и снова зашагалъ пожарный вокругъ черныхъ сигнальных шаровъ и звенящихъ проволокъ. Отходящіе поѣзда, съ запозданіемъ на часъ, спѣша, нагоняли ходъ, свистѣли безнадежно. Подгоняли, лупили кнутомъ извозчики своихъ голодныхъ, лысыхъ клячъ, сами подъ кулакомъ отъ перепуганныхъ, торопящихся не опоздать, на часъ опоздавшихъ сѣдоковъ. Согнутый въ дугу телеграфистъ бойчѣ затанцовалъ измозолившимся пальцемъ по клавишамъ аппарата; перевирая телеграммы, сыпалъ ерунду и не-

былицу. Непроспавшіяся барышни изъ веселаго Новаго Свѣта, въ ожиданіи гостей, размазывали бѣлила по рябоватымъ синимъ щекамъ и нестираемымъ язвамъ на измятой, захватанной груди. Нотариусъ, довольный часу, закрывая контору, складывалъ въ портфель грудю просроченныхъ векселей къ протесту. И кладбищенскій сторожъ съ заступомъ подъ полой шель могилы копалъ для завтрашнихъ покойниковъ. Сторожева свинья подхрюкивала хозяину. Пивникъ откупоривалъ послѣднія бутылки. И запирали казенную лавку. Бѣда и горе и всѣ ихъ сестры переступали городскую заставу, разбрѣдались по городу, входили въ дома обреченныхъ. И отмѣченная душа заволновалась. Глядя безумными глазами куда-то на задымленную, хмельную отъ облачнаго дыма, полную луну, обрадованныѣ заголосилъ юродивый Маркуша-Наполеонъ свою ночную молитву: «Господи просвѣти насъ свѣтомъ твоимъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ».

Тупымъ животнымъ страхомъ вѣсть на читателя отъ этой картины, повторенной въ концѣ романа. Какая-то издѣвательская, ни на что не похожая, адская дѣйствительность, впервые черезъ Ремизова выйдя изъ своихъ норъ и закоулковъ, вошла въ литературу нашу, въ ея плоть и кровь. У него въ первый разъ явились на свѣтъ почтовые чиновники, — мужья «благовѣрныхъ собачекъ», мастера, заставляющіе мальчишекъ цѣловать имъ пятки и пить изъ помойнаго ведра, монахи съ «муненепостижимыми хоботами», лысыя, въ язвахъ, дѣвцы. Пошлость, почти добродушно осмѣянная Гоголемъ, презрительно оплеванная Салтыковымъ, у Ремизова вдругъ встала грознымъ могучимъ апоѳеозомъ и двинулась на насъ. И ужъ не бороться, а бѣжать мы должны безъ оглядки отъ дьявольскаго кошмара.

«Тупо шла его жизнь. И было такъ, будто заставили его идти, и онъ шелъ по тѣсному сырому банному коридору: рѣдкія, выгорающія лампочки, спертый паръ, поплескиванье глухо сбѣгающей воды, — и онъ все шелъ, и не зналъ, когда выйдетъ, и куда войдетъ, и вдругъ останавливался; да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу?» («Прудъ»).

Еще умѣетъ Ремизовъ наводить на читателя мистическій необоримый ужасъ, отъ котораго дыбомъ поднимаются волосы и хочется съ головой закутаться въ одѣяло. Таковъ превосходный разсказъ «Жертва». Жена вымолила жизнь мужу, обреченному Богомъ на смерть, цѣною жизни дѣтей своихъ. Спасенный отъ могилы, живой мертвецъ на много лѣтъ сохранилъ образъ и подобіе настоящаго человѣка.

«Петръ Николаевичъ до страсти любилъ все прибирать къ мѣсту, притомъ такъ все хитро дѣлалъ, что послѣ найти прибранную вещь черезчуръ мудрено было, а то и совсѣмъ невозможно: много вещей пропадало и очень нужныхъ. Затѣмъ онъ любилъ наводить порядокъ, передвигая съ мѣста на мѣсто столы, стулья, этажерки, перевѣшивая картины, переставляя въ библіотекѣ книги, въ чемъ собственно и за-

ключались его постоянныя занятія съ утра и до обѣда ежедневно. За обѣдомъ, предпочитая кушанья сладкія, какъ потроха, мозги, ножки, и, не зная мѣры; онъ частенько обѣдался и потому вѣчно жаловался на животъ. Любилъ онъ топить печи—все зябъ—и съ длинною кочергой расказивалъ обыкновенно отъ печки до печки, помѣшивая жаръ. Любилъ онъ поговорить съ прислугой и мужиками и, хотя разговоръ всегда начинался словно бы и о дѣлахъ, но въ концѣ концовъ выходила одна чепуха, что влекло за собою очень нежелательныя для общаго порядка грустныя послѣдствія: Петра Николаевича не только никто не боялся, но—что ужъ таить!—вѣры ему не было. Кромѣ того, дуря и чудя, онъ обѣщалъ прямо-таки неисполнимыя вещи: всѣмъ и каждому онъ дарилъ свою землю, правда, мѣру не очень крупную—три шага въ длину и шагъ въ ширину—такой шутовской кусокъ. Что еще?.. Да... у него была страсть рѣзать куръ и рѣзалъ онъ куръ не хуже заправскаго повара: птица у него съ перерѣзаннымъ горломъ не хлопала крыльями и не бѣгала безголовая, какъ это часто бываетъ при нелегкой рукѣ. И еще онъ любилъ посмотрѣть на покойника, и чѣмъ отвратительнѣе было лицо мертваго, чѣмъ сильнѣе чувствовалось разложеніе, тѣмъ находилъ онъ покойника привлекательнѣе. Всякій разъ, когда на селѣ умирали, батюшка о. Иванъ давалъ знать Бородинымъ, тотчасъ закладывался экипажъ и Петръ Николаевичъ, все бросивъ, летѣлъ къ тому мѣсту или въ тотъ домъ, гдѣ случался покойникъ».

Непреложный логическій смыслъ скрывается во всѣхъ этихъ причудахъ и странностяхъ, на первый взглядъ такихъ неправдоподобныхъ и нелѣпыхъ. И только добравшись до конца разсказа и сопоставляя смутно что было съ тѣмъ, что сбылось, начинаешь чувствовать паническій стародавній ужасъ. Исполненіе отероченной воли Божьей пришло совсѣмъ неожиданно черезъ много лѣтъ, когда все давно уже позабылось, и трое взрослыхъ дѣтей умерли внезапно, искупили жертвой.

Въ основѣ «Жертвы» лежитъ все та же постоянная мысль Ремизова о беззащитности человѣка передъ тѣмъ, отъ кого никуда и никому не уйти, передъ тѣмъ «желѣзнымъ», кто, не спрашиваясь, никому не отдавая отчета, увѣренно совершаетъ свое вѣрное дѣло, кто безпощадный семимильными шагами изъ далека-далека идетъ творить судъ и расправу по-своему».

Дѣтскій міръ у Ремизова—совсѣмъ особый міръ. Въ немъ отдыхаетъ измученное наболѣвшее сердце; любитъ Ремизовъ дѣтей, нѣжно обвѣваетъ ихъ любовной лаской; не сюсюкая, не притворяясь, разсказываетъ онъ имъ свои чудесныя сказки и самъ, какъ дитя простодушный, съ любовью и вниманіемъ уходитъ въ ихъ дѣтскія радости и заботы. Во всѣхъ разсказахъ Ремизова, гдѣ есть дѣти, преобразается жизнь: мучительные ея кошмары уплываютъ далеко куда-то, вмѣстѣ съ туманомъ; все ясно,—и свѣтлые дѣтскіе глаза сіяютъ, какъ звѣзды

на чистомъ небѣ. Какъ «Кострома» въ одной изъ своихъ лучшихъ сказокъ, Ремизовъ «знаетъ про то, что въ колыбелькахъ дѣется, и кто грудь сосетъ, и кто молочко хлебаетъ, зоветъ каждое дитя по имени и всѣхъ отличить можетъ».

«Ручки у Саши маленькія, какъ у мамы и у бабушки, а ноготки, что жемчужинки. И опять бѣда: большой палецъ на правой рукѣ нехорошій—замуслеванный, кладетъ его Саша себѣ въ ротикъ и сосетъ, какъ медвѣдюшка. Вотъ почему одинъ онъ с о с у н ѣ нехорошій. Пробовали отучать, дѣлая подходы по-всякому: и мазали-то пальчикъ горчицей и мазали хиной. И ни злая горчица, ни горькая хина не возымѣли своего дѣйствія,—оближеть, поплюетъ и опять въ ротикъ.

Звали Арапа, думали, повліяетъ, а вышло какъ разъ обратное. Оказалось, что и самъ Арапъ сосетъ да и превкусно, потому что, какъ тутъ же растолковала Саша: п а л ь ч и к ѣ г о р а з д о в к у с н ѣ е ш е к о л а д к и.

Да и такой разбойницы врядъ ли сыскать. Ужъ возьмется разбойничать—ни на что не посмотреть, такая озора: то помчится мыть руки и, прежде чѣмъ успѣютъ поймать, вымочится до локтей, то стащить у дяди Андрея табакъ и примется набивать папиросы, и, конечно, весь табакъ на полу очутится». («Мака»).

Большая ошибка считать Ремизова только беллетристомъ, только рассказчикомъ,—онъ поэтъ, и поэтъ большой, подлинный. Книга лирики его — это «Посолонь» и «Къ морю-океану» — цѣлый томъ, переполненный красотами неоцѣпимой прелести: колчанъ перламутровый, полный жемчуга и самоцвѣтныхъ камней. Безъ восторженной дрожи нельзя читать его «Крѣсь»—едва ли не лучшую у Ремизова страницу:

«Эна какая—разливная весна! Пovyтаялъ снѣгъ съ полей, повynesло ледъ съ рѣки, разошлась вода со льдомъ, разлились рѣки съ горъ, протекли мелкія рѣчки—бьютъ ключи и, круглыя, полныя съ берегомъ, катятъ озера.

«А по розсыпи волнъ на волѣ Водыльникъ. И лишь одна его голова—куча сѣнная, торчитъ надъ водою: ничѣмъ не заманишь тума заго въ темень на остудное дно, довольно зимой наклевался ершей, и плыветъ, охмелѣлъ.

«Суховерхое дерево грѣтся. Веселѣтъ еловая роща.

«Оживаютъ дыбучіе мхи.

«Вотъ облако къ облаку—пушистыя облачки сходятся.

«Пугливо за облако теряется солнце..

«И ужъ движется туча хмуро и грузно: заждалась свистучая, шатаетъ подблачье.

«Горностаи тягу далъ подъ малиновый прутикъ.

«Черкнула ласточка.

«Да какъ заторандитъ да какъ загрохочетъ—съ грохотомъ-громомъ катитъ гремящій Громовникъ: съ уклада складено сердце, съ желѣза

скованы груди. Торокомъ-вихремъ рѣжетъ Громовникъ небесные снѣги.

«Подымаетъ тугой лукъ. Нацѣлилъ. Спускаетъ стрѣлу—к р ѣ с ь!..

«И всполохнулся отъ искры небесный сводъ, весело, весело горитъ. И земля подъ топотъ толкучаго грома, просверленная мѣткой стрѣлою, горитъ»...

Здѣсь каждое слово—на мѣстѣ, каждый эпитетъ продуманъ и прочувствованъ глубоко—и такъ сумѣть на полтора страницахъ уписать необъятную картину весны можетъ только одинъ Ремизовъ.

Если говорить о собственно ремизовскомъ стилѣ, то тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Своеобразіе стиля вполне отвѣчаетъ таланту писателя. Стилъ Ремизова—кованый окладъ съ чеканенной тонко рѣзбой по золоту, съ перлами и алмазами, сверкающими въ крупныхъ гнѣздахъ. Это—старинная книга съ заставками-миніатюрами, правленными киноварью. Это—хитрая рукопись полууставомъ, съ золочеными буквами, съ завитушками, усиками и росчерками, на слоновой бумагѣ. Съ перваго слова, узнается этотъ густо-насыщенный, прочный, чисто-русскій, к о н д о в ы й стилъ.

«Утихаетъ вечерняя заря, всѣ предметы колеблются, какъ пьяные, и доносятъ вѣтеръ звонъ со старыхъ звонницъ и колоколенъ. Отдается, паритъ звонъ, колоколь съ колоколомъ перекликается—зазвонный, праздничный, буревой, гудъ - колоколь, и плыветъ изъ-за Волги крылатый и плавный лебедь - колоколь. И вдругъ какъ ударять въ чугунную доску—задребезжить звонило, инда въ вискахъ треснетъ, и ужъ не колоколь—Божій гласъ, это гонять стадо съ полей—разревѣлся быкъ, ржетъ кобылица, звякаетъ глухарь, гремитъ гремокъ, звенятъ бубенцы, раззвенѣлись бубенчики и сквозь звякъ и ревъ свиститъ на ухо птица, свиститъ—пересвистываетъ, экая глупая!» («Неуемный бубень»).

Форма и содержаніе у Ремизова сливаются въ строгомъ и нераздѣльномъ единствѣ, но сквозь плотныя ткани его твореній проглядываетъ то, чего не всегда увидишь простымъ глазомъ. Какъ поэтъ метафоры, понимаемой въ смыслѣ символа, Ремизовъ долженъ быть причисленъ къ писателямъ-символистамъ и въ этомъ отношеніи онъ, какъ возсоздатель національнаго творчества, можетъ быть названъ поэтомъ будущаго.

Борисъ Садовской.